

ЛИСТВЕННИЦЫ ДАУРСКИЕ (*LARIX GMELINII* (RUPR.) RUPR.) В ИСТОРИИ ГОРОДА ЧЕЛЯБИНСКА

Н. А. Антипин¹, В. В. Меркер²

¹Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

²Челябинский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

В статье рассматривается значение и место лиственниц даурских (*Larix gmelinii* (Rupr.) Rupr.) в культурной памяти города Челябинска. На основе архивных документов реконструируется история появления деревьев в городе, описан исторический контекст, который определяет мемориальное значение лиственниц. Появление деревьев в Челябинске связано с историей русско-японской войны 1904–1905 гг. В годы русско-японской войны город превратился в один из эвакуационных центров, здесь была сформирована сеть военно-медицинских учреждений (лазареты, госпитали, бани, столовые), впервые в своей истории Челябинск приобрел всероссийское значение. Деятельность Челябинской внутренней эвакуационной комиссии была направлена на поддержание благоприятных санитарных условий в войсках, что позволило не допустить возникновения эпидемий и ввоза инфекционных заболеваний в европейские губернии, а также организовать распределение потоков эвакуированных больных и раненых воинов. Семена лиственниц даурских были привезены из Маньчжурии одним из участников войны и посажены около лазарета Красного Креста, который находился под покровительством А. Н. Нарышкиной. Представлена биологическая характеристика вида, условия произрастания деревьев в городской среде, факторы, влияющие на угнетение деревьев, а также аргументация для признания лиственниц «мемориальными деревьями». Лиственницы даурские стали живым памятником этих событий, они свидетельствуют об их масштабности. Для Челябинской области и Челябинска сохранившиеся деревья лиственницы даурской представляют особую ценность и несомненное мемориальное значение: опыт более чем 100-летнего произрастания в центре промышленного города, связь с историческими событиями русско-японской войны, свидетельствующими о вовлеченности города в глобальные события, редкость интродукционного использования.

Ключевые слова: лиственница даурская (*Larix gmelinii* (Rupr.) Rupr.), мемориальные деревья, русско-японская война 1904–1905 гг., Челябинск, эвакуация, Красный Крест.

Введение

1 июня 2021 г. в центре Челябинска на перекрестке проспекта Ленина и улицы Красной были спилены два экземпляра лиственницы даурской, или лиственницы Гмелина (*Larix gmelinii* (Rupr.) Rupr.), что вызвало широкий общественный резонанс и публикации в прессе [1]. Спеленные деревья входили в Национальный реестр старовозрастных деревьев России (№ 640) [2], однако лиственницы были примечательны не только своим возрастом, но и историей: на этом месте вокруг дома, принадлежавшего В. Ф. Сапеги-Ольшевскому, в 1905 г. были посеяны семена деревьев, привезенные из Маньчжурии одним из участников войны с Японией 1904–1905 гг.

Почему вырубка лиственницы даурской в центре Челябинска вызвала такую реакцию? Здесь может быть несколько объяснений: 1) дефицит зеленых насаждений в городе, качество воздуха и другие экологические проблемы; 2) недостаточный уровень диалога между обществом и городскими властями; 3) историко-культурное значение спеленных деревьев. В настоящей статье мы постараемся разобраться в последнем вопросе, который стал важной составляющей в ходе общественной дискуссии.

Обзор литературы

Поднятая в статье проблема охватывает два тематических поля. Первое – в рамках ботаники:

исследования, посвященные дендрофлоре Челябинской области, и в частности истории интродукции древесных растений в регионе [3]. В результате изучения гербарного материала, многолетних полевых исследований установлен видовой состав инородных древесных пород, интродуцированных на Южном Урале. В границах Челябинской области было выявлено 334 вида, определена периодизация интродукции растений в XIX–XX вв., определено и описано более 50 очагов намеренной интродукции на территории региона. Большинство из выявленных деревьев нельзя отнести к «мемориальным», однако привлечение архивных материалов позволило наметить перечень деревьев, которые могут претендовать на такой статус. Существует серия публикаций о «мемориальных деревьях», которые представляют позитивный пример исследований этого феномена на стыке ботаники и истории [4–7].

Второе – в рамках исторической науки: исследования, касающиеся русско-японской войны и места Челябинска в эвакуационном движении и тыловом обеспечении войск, деятельность внутренних эвакуационных комиссий [8–9]. На всероссийском уровне организация медицинской помощи раненым и больным комбатантам периода русско-японской войны 1904–1905 гг. исследована А. А. Макичян [10]. Деятельность Красного Креста

в годы войны с Японией в тылу русской армии, в регионах Российской империи представлена в работах А. М. Олешковой, В. В. Семячковой, В. А. Соколовой [11–13]. Особое направление составляют работы, посвященные истории памяти, в историографии сложилось целое направление исследований войны 1904–1905 гг. в культурной памяти России [14–17].

Методы исследования

Исследование истории лиственниц даурских в Челябинске проведено в русле междисциплинарного подхода. Здесь объединен опыт ботаники и истории. В результате исследований В. В. Меркер была определена видовая принадлежность деревьев, вычислен их возраст, исследован путь проникновения на Южный Урал, что подтвердило уникальность лиственниц даурских для данной территории и стало основой для аргументации необходимости их сохранения и разработки плана охранных мероприятий. Оставшиеся в центре Челябинска два дерева лиственниц даурских могут быть признаны «мемориальными деревьями», то есть стать памятниками природы: они являются старовозрастными, с ними связаны реальные исторические события. Деревья соответствуют критериям Всероссийской программы «Деревья – памятники живой природы» [18].

Таким образом, исследование «мемориальных деревьев» пересекается с историей памяти. Согласно концепции, разработанной французским социологом М. Хальбваксом, «коллективная память» выступает формой социальной конструируемой памяти индивида, являющейся подвижной [19]. Немецкие историки Я. Ассман и А. Ассман развили концепцию истории памяти, выделили коммуникативную и культурную память. Культурная память – это собрание образов прошлого, традиций, мифов, имеющих большое значение для общества, она поддерживается разнообразными коммеморативными практиками [20–21]. Лиственницы даурские в настоящем исследовании выступают «героями» коммеморативных практик (А. Мегилл) [22]. В результате коммеморации деревья приобрели значение мест памяти, которые являются точками концентрации культурной памяти, держателями смыслов и образов, хранителями памяти (П. Нора) [23].

Результаты и дискуссия

Larix gmelinii в Челябинске: ботаника и общество. Лиственница даурская, или лиственница Гмелина, – восточносибирско-азиатский вид с естественным ареалом обитания в Восточной Сибири, на Дальнем Востоке, в Северной Монголии и Северо-Восточном Китае (Маньчжурии). В Восточной Сибири ее ареал соприкасается с границей ареала лиственницы сибирской. Некоторые биологические особенности лиственницы даурской: вегетация начинается с середины апреля и продолжается до начала октября, рост побегов –

с середины мая до конца июля, цветет в мае; побеги одревесневают на 100 %. Растет медленнее лиственницы сибирской (в лучших условиях произрастания в 100 лет достигает 15–23 метров высоты). В условиях городской среды деревья долговечны (около 300 лет), устойчивы и неприхотливы. Лиственницы даурские имеют декоративную ценность. Все характеристики данной древесной породы определяют ее ведущее значение, как и большинства хвойных растений, в городском зеленом строительстве.

Вопрос сохранения в Челябинске лиственниц даурских поднимался несколько раз. В апреле 2007 г. В. В. Меркер было проведено обследование участка около домов на перекрестке проспекта Ленина и улицы Красной (пр. Ленина, 62; ул. Красная, 65) с целью подготовки эколого-экономического обоснования для придания данным деревьям (к этому моменту оставалось пять деревьев) статуса «мемориальных деревьев» – особо охраняемой природной территории местного значения. Материалы в том же году были направлены в Управление экологии и природопользования при администрации г. Челябинска для продолжения решения вопроса в Законодательном Собрании Челябинской области. Дальнейшей поддержки и продолжения эта идея, к сожалению, не получила. В указанный период сохранность деревьев отмечалась как удовлетворительная, лиственницы эффективно выполняли средообразующую функцию. Кроме пяти лиственниц на данном участке произрастали (и произрастают до сих пор) другие декоративные кустарники и деревья – сирень обыкновенная (*Syringa vulgaris* L.), рябина обыкновенная (*Sorbus aucuparia* L.), береза повислая (*Betula pendula* Roth). При обследовании участка произрастания лиственниц в 2007 г. уже был отмечен вблизи обследуемых деревьев многочисленный самосев клена ясенелистного (*Acer negundo* L.), несколько деревьев вяза приземистого (*Ulmus pumila* L.). Обе породы являются сорными, подлежащими удалению. Было отмечено, что травянистый покров на участке преимущественно также сорный (состоящий из рудеральных видов), почва уплотнена, регулярный агротехнический уход полностью отсутствует. В целом, анализ всех имеющихся данных показывал, что влияние неблагоприятных городских факторов на лиственницы было еще незначительным, отмечалось характерное для вида и его возраста развитие и устойчивость наряду с высокими декоративными качествами лиственниц. При этом уже в 2007 г. отмечалась острая необходимость удаления сорных пород, обращалось внимание на отсутствие заботы об исторических насаждениях [24].

В 2014 г. с лиственниц даурских (к этому времени оставалось пять деревьев) были собраны семена, которые высеяны в питомнике Аргаяшского лесничества. В результате получено 3500 са-

женцев: 1500 – высадили на территории храма Порт-Артурской иконы Пресвятой Богородицы г. Златоуста; около тысячи – на территориях сельских поселений Аргаяшского района; 700 – пересадили в дендросад на территории Аргаяшского лесничества, затем саженцы даурских лиственниц из дендросада были высажены в Саду Победы в г. Челябинске [25].

В 2021 г. спил двух лиственниц в центре Челябинска привел к общественному обсуждению проблемы (заметим, за несколько лет до этого было утрачено одно дерево, что не вызвало реакции общества). После того как в прессе и интернете появились негодующие публикации, в городской администрации пояснили, что лиственницы даурские были признаны аварийными, поэтому было разрешено снести деревья. Также власти заявили, что гибель деревьев была зафиксирована весной 2021 г., попытки реанимировать их к положительному результату не привели. Несмотря на это глава Челябинска Н. П. Котова распорядилась уволить руководителей МКУ «Административно-техническая инспекция города Челябинска» и МБУ «Геоцентр» – эти организации являлись исполнителями работ по вырубке деревьев. Позднее прокуратора Челябинской области возбудила уголовное дело, так как выяснилось, что деревья не признавались аварийными и разрешение на их вырубку не выдавалось.

В ситуацию вмешался губернатор Челябинской области А. Л. Текслер, который попытался урегулировать вопрос, потребовав привлечь к ответственности должностных лиц. Он отметил, что «...у деревьев красивая и трогательная история», 10 июня 2021 г. на встрече с биологом, директором ботанического сада ЧелГУ В. В. Меркер, на месте спиленных лиственниц А. Л. Текслер заявил: «Оставшиеся на перекрестке улиц Ленина и Красной лиственницы надо сберечь. Им должен быть обеспечен особый уход. На месте вырубki высадим новые даурские лиственницы. Делать это, разумеется, нужно не сейчас, а осенью. Зеленый участок в пешеходной зоне на перекрестке приведем в порядок. Изучим вопрос, чтобы у этого участка появился особый охранный статус» [26].

В настоящее время участок произрастания лиственниц даурских в Центральном районе г. Челябинска представляет собой зеленый уголок, в котором теперь уже взрослый и загущенный сорный самосев малоценных древесных пород (клена ясенелистного и вяза приземистого) угнетает исторические насаждения. В результате такого влияния ценные насаждения катастрофически деградируют и могут погибнуть. Деградация ценных зеленых насаждений данного объекта связана прежде всего с созданием условий сильнейшего затенения и, безусловно, с отсутствием в течение многих десятков лет ухода, с сильнейшим уплотнением почвы, в связи с чем взрослые «историче-

ские» деревья не получают достаточного количества воды и питательных веществ. К негативным факторам, повлиявшим на состояние ценных древесных пород, в первую очередь, лиственниц, следует также отнести расчленение участка на отдельные «островки» в период так называемой «дорожной революции» в Челябинске. «Зажатие» автомобильными дорогами, в процессе строительства которых была значительно повреждена корневая система взрослых деревьев, привело к частичному усыханию крон двух лиственниц.

Larix gmelinii – живой памятник русско-японской войны. Война 1904–1905 гг. привела к мобилизации на фронт около миллиона человек, которые проехали через Челябинск. Согласно решению Главной эвакуационной комиссии, при Главном штабе в Челябинске была образована внутренняя эвакуационная комиссия, в задачи которой входило: развертывание госпиталей и лазаретов, прием и распределение по территории Казанского военного округа больных и раненых, эвакуированных с востока для освобождения лечебных заведений Сибирского военного округа для тяжелооболченных [27, с. 24]. Таким образом, в годы русско-японской войны Челябинск приобрел стратегическое значение для мобилизации и переброски армии, военных грузов, эвакуации больных и раненых, поддержания благоприятной санитарной обстановки в войсках.

Челябинская внутренняя эвакуационная комиссия была создана 31 мая 1904 г. [28, л. 82; 29, л. 6; 30, л. 1; 31, л. 3.]. Такие же комиссии действовали в Иркутске, Омске, Москве и Санкт-Петербурге. Деятельность региональных комиссий координировала Главная эвакуационная комиссия [31, л. 9–11]. В разное время челябинской комиссией руководили генерал-майор И. А. Ренгартен и полковник К. Н. Жданович [32, л. 499]. Организацией эвакуационного, санитарно-медицинского дела на Южном Урале в годы войны с Японией в числе прочих занимались врачи Н. В. Благовидов, Г. Г. Пономарев и И. П. Климович. На их плечи легла основная нагрузка по непосредственной организации в 1904–1906 гг. в Челябинске и на Миасском заводе военных госпиталей [8].

В результате деятельности Челябинской внутренней эвакуационной комиссии в Казанском военном округе была создана обширная сеть госпиталей и лазаретов, а также центральный распределительный пункт в Челябинске. Основная нагрузка легла на госпитали: 1-й и 2-й сводные (по 420 мест, функционировали в июне – октябре 1905 г., затем 1-й госпиталь преобразован в 1-й запасной на 50 мест и расформирован в мае 1906 г.; 2-й госпиталь преобразован во 2-й Миасский запасной на 210 мест, функционировал в январе – феврале 1906 г.), 109-й запасной (количество мест колебалось от 120 до 200, функционировал с 30 сентября 1904 г. по 23 марта 1906 г.) [30, л. 1, 16; 171; 32, л. 474,

489, 500; 33, л. 102; 34, л. 2; 35, л. 76]. Также раненые и больные поступали на лечение в лазареты Красного Креста, сформированные на Южном Урале в Челябинске, Златоусте, на Миасском и Симском заводах [32, л. 282; 36, л. 8; 37, л. 34; 38, л. 27 об.; 39, л. 94]. В Челябинске военнослужащих также принимали городская и переселенческая больницы, на станции работала дезинфекционная камера, прачечная и баня. Под эгидой статс-дамы А. Н. Нарышкиной в городе работали три учреждения: торговая лавка, приют на 60 мест, лазарет Красного Креста на 30 мест [36, л. 10; 40, л. 105; 41, л. 6; 42, л. 169; 43, л. 282; 44, л. 48, 332].

Появление в Челябинске лиственниц даурских связано с деятельностью лазарета А. Н. Нарышкиной. Как отмечал П. М. Кауфман, события 1904–1905 гг. показали, что Красный Крест не был готов к войне за пределами европейской России, он не имел «...ни запасов, ни врачей, ни госпиталей далее Самары, ни сестер милосердия» [27, с. 1], а потому нуждался в частной инициативе и помощи благотворителей. Статс-дама А. Н. Нарышкина приехала в Челябинск в 1904 г. Она была уже в почтенном возрасте (65 лет), но при этом имела средства и связи, что позволило ей развернуть в городе дело помощи страдающим воинам. Подробности своей деятельности А. Н. Нарышкина изложила в письмах петербургским сестрам-художницам Александре и Варваре Шнейдер [45].

Для начала А. Н. Нарышкина открыла столовую, затем торговую лавку для солдат и после – приют, через который прошло 60 тысяч человек. В одном из писем она отмечала: «Вчера [21 октября 1904 года] открыт мой приют – место отдохновения слабосильным между двумя длинными мучительными путями. Дом чудный; они отходят, набираются сил, проводят несколько дней и едут дальше. Содержу его этот первый месяц на свой счет, а потом уже есть присланные деньги, Бог поможет!...» [45, с. 67].

Лазарет под покровительством А. Н. Нарышкиной открылся в Челябинске 12 февраля 1905 г. в доме В. Ф. Сапегин-Ольшевского на улице Болотной (ныне – улица Красная). О хозяине дома известно немного: «Действительный статский советник, председатель Челябинского уездного съезда и кавалер всех русских орденов до св. Станислава 1-й ст. включительно, кавалер боевого ордена св. Георгия 1-й ст. и Севастопольской медали на Георгиевской ленте за кампанию 54 и 55 годов» [46, с. 208]. Лазарет субсидировался из средств Красного Креста и частных пожертвований [47, с. XVI]. Его заведующим стал глава челябинских жандармов ротмистр Н. А. Шамлевич. При лазарете был свой врач, санитары из отставных солдат, сестрами милосердия работали монахини местного Одигитриевского монастыря. Лазарет прекратил работу 12 января 1906 г., за это время через него прошло 645 человек. Среди них был тот самый солдат,

который вез с собой шишки лиственницы из Маньчжурии, ими он поделился с хозяином дома В. Ф. Сапегин-Ольшевским, а он посеял их вокруг своей усадьбы. Так эти деревья стали живым памятником русско-японской войне. Другим памятником стала книга воспоминаний участников войны, записанных пациентами лазарета [47]. В мае 1905 г. А. Н. Нарышкина писала из Челябинска: «Благодарю Господа за эту мучительную зиму: хотела пострадать и страдала. Надо, друг, заставить себя желать страдать... Иначе себя не вычистишь и не оторвешься от земного...» [45, с. 69].

Госпитали, лазареты, санитарные комплексы Казанского военного округа составили в годы войны единую систему, которую возглавила Челябинская внутренняя эвакуационная комиссия. Созданная база позволила добиться главного: избегая больших скоплений в узловых пунктах, вывезти раненых и больных с театра боевых действий, распределить их согласно тяжести и территории по регионам в госпиталях и лазаретах [29, л. 31]. В лечебных учреждениях Южного Урала, названных выше, концентрировались комбатанты, призванные из Уфимской, Оренбургской, Вятской, Пермской, Казанской, Симбирской губерний [30, л. 282; 38, л. 2, 43; 39, л. 94; 48, л. 27]. Однако через госпитали и лазареты прошли представители и других регионов империи. Составленная Н. А. Антипиным на основе документов Объединенного государственного архива Челябинской области (фонды И-146, И-156, И-157, И-158) база данных «Пациенты госпиталей и лазаретов Челябинской внутренней эвакуационной комиссии в годы русско-японской войны 1904–1905 гг.» фиксирует 74 губернии.

Челябинская внутренняя эвакуационная комиссия, принимая больных и раненых, учитывала не только территорию происхождения пациентов, но и специфику заболеваний, что позволяло распределять их по лечебным учреждениям, находящимся в ведении комиссии. Среди госпиталей и лазаретов существовала специализация. Тяжелобольных для операций направлялись в лазарет Красного Креста на Переселенческом пункте, где работал хирург. Страдающие инфекционными заболеваниями поступали в Челябинскую городскую больницу, где имелись условия для приема таких пациентов. Амбулаторные пациенты принимались в Переселенческой больнице, требующие терапевтической помощи лечились в 1-м сводном госпитале, венерические больные – во 2-м сводном госпитале. В 109-м госпитале действовала комиссия по освидетельствованию перед увольнением. Лазарет и приют под эгидой А. Н. Нарышкиной принимал «слабосильных», которым необходимо было усиленное питание, уход, сюда же поступали уволенные от службы после комиссии в 109-м госпитале [30, л. 5; 36, л. 1, 10; 48, л. 55].

Действовавшие госпитали в основном выполняли функции сортировки раненых и больных, медицинская помощь здесь оказывалась, но это не являлось профилем учреждений. Например, $\frac{2}{3}$ пациентов 1-го сводного госпиталя были выпи-саны, а остальные переведены для лечения в дру-гие учреждения (всего через госпиталь прошло 2302 чел.). Отчетная документация госпиталей сохранилась фрагментарно, согласно имеющимся данным 109-й госпиталь принял 5744 чел., 2-й свод-ный – 768 чел., миасский – 978 чел. [48, л. 10, 25, 36, 42; 49–53]. Через Переселенческую больницу прошло 805 амбулаторных и 377 стационарных больных, лазарет Красного Креста – 662 и 1605 соответственно [54, л. 119, 122].

Выводы

Таким образом, в годы русско-японской вой-ны Челябинск превратился в один из эвакуацион-ных центров и, пожалуй, впервые в своей истории приобрел всероссийское значение. Челябинская внутренняя эвакуационная комиссия справилась с возложенными на нее задачами: рациональное распределение потоков эвакуированных солдат позволило избежать больших людских скоплений на угловых железнодорожных пунктах, не было допущено распространение инфекционных забо-леваний в войсках. Челябинск на недолгий период войны привлек к себе новые кадры – военных, врачей, интеллигенцию, благотворителей, через лечебные учреждения прошли представители поч-ты всех губерний России, что способствовало «глобализации» Челябинска.

Лиственницы даурские являются живым па-мятником истории русско-японской войны, они свидетельствуют о масштабности происходивших событий. Для Челябинской области и Челябинска сохранившиеся деревья представляют особую ценность и несомненное мемориальное значение: опыт более чем 100-летнего произрастания в цен-тре промышленного города, связь с исторически-ми событиями русско-японской войны, свидетель-ствующими о вовлеченности города в глобальные события, редкость интродукционного использова-ния (в России в городском озеленении лиственни-ца даурская встречается редко, опыт культуры данного вида в ботанических садах также незначи-телен). Последний факт является дополнительным аргументом в пользу внимательного отношения к данным экземплярам деревьев, их сохранения, образования охранной зоны в районе пересечения пр. Ленина и ул. Красной в Центральном районе города Челябинска и присвоения им статуса особо охраняемой природной территории – «мемориаль-ные деревья».

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего об-разования Российской Федерации (государст-венное задание № FENU-2020-0021 «Изучение

региона в контексте глобально-исторических связей с помощью методов цифровой гумани-таристики (на примере Челябинска и Челябин-ской области)»).

Литература

1. В центре Челябинска вырубili столетние даурские лиственницы. – URL: <https://74.ru/text/gorod/2021/06/01/69946211/> (дата обращения: 7.08.2021).

2. Лиственница даурская (*Larix dahurica* Turcz. ex Trautv.) – URL: https://treeportal.ru/index.php?option=com_adsmanager&page=show_res ult&ad_anketnumber=640&ad_treespecies=&ad_inter vals=&ad_region=&ad_status=&ad_checkreport=&or der=0&expand=0&catid=1&Itemid=85 (дата обра-щения: 7.08.2021).

3. Меркер, В. В. Дендрофлора Челябинской области : дис. ... канд. биол. наук / В. В. Меркер. – Пермь, 2009. – 248 с.

4. Бондарева, Л. В. Деревья – памятники природы города Севастополя : материалы эколо-гического обоснования создания новых природо-охранных объектов в Крыму / Л. В. Бондарева, Н. А. Мильчакова, В. В. Александров, Е. Б. Чернышева // Экосистемы. – 2019. – № 19. – С. 85–103.

5. Волкова, О. В. Оценка состояния древес-ных насаждений на территориях общего пользова-ния г. Костромы / О. В. Волкова // Лестной вест-ник. Forestry Bulletin. – 2018. – Т. 22, № 4. – С. 109–116.

6. Казакова, М. В. Мемориальный парк героев 1812 года – объект ландшафтно-исторического и природного наследия города Рязани / М. В. Каза-кова, А. Д. Пастушенко // Социально-экологические технологии. – 2020. – Т. 10, № 4. – С. 429–446.

7. Пиврик, Г. Н. Роль старовозрастных де-ревьев в восприятии исторических мемориальных парков / Г. Н. Пиврик // Сад в городе: миф и ре-альность : сборник материалов междисциплинар-ного семинара ; под ред. А. Г. Разумовской. – Псков, 2012. – С. 49–56.

8. Антипин, Н. А. Организаторы госпиталей на Южном Урале во время Русско-японской вой-ны 1904–1905 гг. / Н. А. Антипин // Календарь знаменательных и памятных дат. Челябинская область, 2012 ; сост. Э. А. Абхаликова, Л. А. Ве-личкина, И. Н. Пережогина. – Челябинск, 2011. – С. 183–192.

9. Антипин, Н. А. Русско-японская война (1904–1905) / Н. А. Антипин, В. Г. Семенов // Че-лябинская область : энциклопедия. – Челябинск : Каменный пояс, 2008. – Т. 5. – С. 667–669.

10. Макичян, А. А. Организация медицинской помощи больным и раненым во время русско-японской войны 1904–1905 гг. : дис. ... канд. ист. наук / А. А. Макичян. – М., 2016. – 294 с.

11. Олешкова, А. М. Эволюция организации

и деятельности Российского общества Красного Креста во второй половине XIX в. – 1917 г. (на материалах Урала) : дис. ... канд. ист. наук / А. М. Олешкова. – Екатеринбург, 2012. – 305 с.

12. Семячкова, В. В. Деятельность уральских комитетов Российского общества Красного Креста в период русско-японской войны 1904–1905 гг. / В. В. Семячкова // Уральский исторический вестник. – 2009. – № 3 (24). – С. 45–48.

13. Соколова, В. А. Российское общество Красного Креста (1867–1918 гг.) : дис. ... канд. ист. наук / В. А. Соколова. – СПб., 2014. – 302 с.

14. Антипин, Н. А. Русско-японская война в культурной памяти российского общества. 1904–2000-е гг. : дис. ... канд. ист. наук / Н. А. Антипин. – Челябинск, 2013. – 248 с.

15. Буранок, А. О. Информационное обеспечение русско-японской войны в провинции (на материалах Самарской губернии) / А. О. Буранок. – Самара : Ас Гард, 2011. – 335 с.

16. Ермаченко, И. О. Образы Русско-японской войны в иллюстрациях отечественной прессы 1904–1905 гг.: специфика визуализации / И. О. Ермаченко // Очевидная история. Проблемы визуальной истории России XX столетия : сборник статей. – Челябинск : Каменный пояс, 2008. – С. 193–213.

17. Жукова, Л. В. «Врагу не сдастся наш гордый “Варяг”...»: Героические образы Русско-японской войны в исторической памяти россиян / Л. В. Жукова // Вестник Российского университета дружбы народов. – Серия «История России». – 2009. – № 1. – С. 68–80.

18. Деревья – памятник живой природы. – URL: <https://rosdrevo.ru/information/about/> (дата обращения: 15.08.2021).

19. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс. – М. : Новое издательство, 2007. – 348 с.

20. Ассман, А. Новое недовольство мемориальной культурой / Я. Ассман. – М. : Новое литературное обозрение, 2016. – 232 с.

21. Ассман, Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 363 с.

22. Мегилл, А. Историческая эпистемология / А. Мегилл. – М. : Канон+, 2007. – 480 с.

23. Нора, П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти / П. Нора // Франция – память. – СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. – С. 17–50.

24. Меркер, В. В. Дендрологические объекты Челябинской области, нуждающиеся в охране / В. В. Меркер // Роль ОППТ в сохранении биоразнообразия: проблемы и пути решения : материалы

II междунар. научно-практической конференции. – Омск, 2016. – С. 46–50.

25. На Южном Урале продолжают восстанавливать даурские лиственницы. – URL: <https://minesco174.eps74.ru/Publications/News/Show?id=1291> (дата обращения: 7.08.2021).

26. Текслер, А. На месте вырубки даурских лиственниц встретился с Верой Меркер / А. Текслер. – URL: <https://www.instagram.com/p/CP8OdMNneWt/> (дата обращения: 7.08.2021).

27. Кауфман, П. Красный Крест в тылу армии в Японскую кампанию 1904–1905 годов / П. Кауфман. – СПб. : Главное управления Российского общества Красного Креста, 1909. – Т. 1. Ч. 1. – 407 с.

28. ОГАЧО. – Ф. И-3. – Оп. 1. – Д. 785.

29. ОГАЧО. – Ф. И-13. – Оп. 1. – Д. 396.

30. ОГАЧО. – Ф. И-146. – Оп. 1. – Д. 2.

31. ОГАЧО. – Ф. И-157. – Оп. 1. – Д. 19.

32. ОГАЧО. – Ф. И-156. – Оп. 1. – Д. 15.

33. ОГАЧО. – Ф. И-158. – Оп. 1. – Д. 2.

34. ОГАЧО. – Ф. И-158. – Оп. 1. – Д. 3.

35. ОГАЧО. – Ф. И-158. – Оп. 1. – Д. 8.

36. ОГАЧО. – Ф. И-146. – Оп. 1. – Д. 1.

37. ОГАЧО. – Ф. И-156. – Оп. 1. – Д. 2.

38. ОГАЧО. – Ф. И-157. – Оп. 1. – Д. 16.

39. ОГАЧО. – Ф. И-157. – Оп. 1. – Д. 26.

40. ОГАЧО. – Ф. И-156. – Оп. 1. – Д. 5.

41. ОГАЧО. – Ф. И-13. – Оп. 1. – Д. 402.

42. ОГАЧО. – Ф. И-13. – Оп. 1. – Д. 415.

43. ОГАЧО. – Ф. И-148. – Оп. 1. – Д. 1.

44. ОГАЧО. – Ф. И-148. – Оп. 1. – Д. 2.

45. Чичерина, Н. Челябинск времен русско-японской войны (по письмам А. Н. Нарышкиной) / Н. Чичерина // Уральская старина. – Екатеринбург : Баско, 2004. – Вып. 6. – С. 62–70.

46. Юбилейное историческое и художественное издание в память 300-летия царствования державного Дома Романовых. – М. : Издание М. С. Гуделя, 1913. – 542 с.

47. Отголоски русско-японской войны: Записи больных и раненых, лечившихся в Челябинском лазарете Красного креста и в учреждениях, организованных там же статс-дамой А. Н. Нарышкиной / под ред. [и с предисл.] бывшего директора Казанской учительской семинарии Н. А. Бобровникова. – Казань : Типография лит. ун-та, 1914. – 337 с.

48. ОГАЧО. – Ф. И-156. – Оп. 1. – Д. 1.

49. ОГАЧО. – Ф. И-156. – Оп. 1. – Д. 7.

50. ОГАЧО. – Ф. И-146. – Оп. 1. – Д. 7.

51. ОГАЧО. – Ф. И-158. – Оп. 1. – Д. 4.

52. ОГАЧО. – Ф. И-158. – Оп. 1. – Д. 5.

53. ОГАЧО. – Ф. И-158. – Оп. 1. – Д. 6.

54. ОГАЧО. – Ф. И-13. – Оп. 1. – Д. 425.

Антипин Николай Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и зарубежной истории, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: antipin87@mail.ru. ORCID 0000-0003-4060-5955

Меркер Вера Викторовна – кандидат биологических наук, директор ботанического сада, Челябинский государственный университет (Челябинск), e-mail: vmerker@rambler.ru. ORCID: 0000-0003-0086-4725

Поступила в редакцию 11 ноября 2021 г.

DOI: 10.14529/ssh220102

DAHURIAN LARCHES (*LARIX GMELINII* (RUPR.) RUPR.) IN THE HISTORY OF CHELYABINSK

*N. A. Antipin*¹, *V. V. Merker*²

¹South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

²Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russian Federation

The article considers the significance and place of Dahurian larches (*Larix gmelinii* (Rupr) Rupr) in the cultural memory of Chelyabinsk. The research focuses on the history of the trees' appearance in the city, reconstructed via archival documents, as well as the historical context, which determines the memorial significance of the larches. The appearance of the trees in Chelyabinsk refers to the period of the Russian-Japanese War of 1904–1905. During this war, the city was converted into an evacuation center with a network of military medical facilities (infirmaries, hospitals, bathhouses, canteens); for the first time in its history, Chelyabinsk gained nationwide significance. The activities of the Chelyabinsk Internal Evacuation Commission were aimed at maintaining favorable sanitary conditions in the troops, which helped to prevent the emergence of epidemics and the importation of infectious diseases into the provinces of the European part of the country, as well as to organize the distribution of the flows of the evacuated sick and wounded soldiers. One of the war veterans brought the seeds of Dahurian larch from Manchuria that were further planted near the Red Cross infirmary under the patronage of A. N. Naryshkina. The author describes the biological characteristics of the species, the vegetation and growing conditions for the trees in the urban environment, the factors influencing the suppression of the trees, and the arguments for recognizing the larches as «memorial trees». Dahurian larches remain as a living tribute, a reminder of the immensity of the historical events. For the Chelyabinsk Region and Chelyabinsk, the surviving Dahurian larches are of special value and undoubted memorial significance: the experience of more than 100 years of growth in the center of an industrial city; the connection with the historical events of the Russian-Japanese war, indicating the involvement of the city in global events; the rarity of plant introduction use.

Keywords: Daurian larch (*Larix gmelinii* (Rupr.) Rupr.), memorial trees, Russian-Japanese war of 1904–1905, Chelyabinsk, evacuation, Red Cross.

References

1. V tsentre Chelyabinska vyrubili stoletnie daurskie listvenitsy [Centennial Daurian Larches were Cut down in the Center of Chelyabinsk]. URL: <https://74.ru/text/gorod/2021/06/01/69946211/> (data obrashcheniya: 7.08.2021).
2. Listvenitsa daurskaya (*Larix dahurica* Turcz. ex Trautv.) [Daurian larch (*Larix dahurica* Turcz.ex Trautv.)]. URL: https://treeportal.ru/index.php?option=com_adsmanager&page=show_result&ad_anketnumber=640&ad_treespecies=&ad_intervals=&ad_region=&ad_status=&ad_checkreport=&order=0&expand=0&catid=1&Itemid=85 (data obrashcheniya: 7.08.2021).
3. Merker V.V. Dendrologicheskie ob'ekty Chelyabinskoy oblasti, nuzhdayushchiesya v okhrane [Dendrological Objects of the Chelyabinsk Region in Need of Protection] // *Rol' OPPT v sokhranении bioraznoobraziya: problemy i puti resheniya: materialy II mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Omsk, 2016. S. 46–50.
4. Bondareva L.V., Mil'chakova N.A., Aleksandrov V.V., Chernysheva E.B. Derev'ya – pamyatniki prirody goroda Sevastopolya: materialy ekologicheskogo obosnovaniya sozdaniya novykh prirodokhrannykh ob'ektov v Krymu [Trees are Natural Monuments of the City of Sevastopol: Materials of Ecological Substantiation of the Creation of New Nature Protection Objects in Crimea] // *Ekosistemy*. 2019. № 19. S. 85–103.

5. Volkova O.V. Otsenka sostoyaniya drevesnykh nasazhdeniy na territoriyakh obshchego pol'zovaniya g. Kostromy [Assessment of the State of Tree Plantations in the Common Areas of the City of Kostroma] // *Lestnoy vestnik. Forestry Bulletin*. 2018. T. 22, № 4. S. 109–116.
6. Kazakova M.V., Pastushenko A.D. Memorial'nyy park geroev 1812 goda – ob'ekt landshaftno-istoricheskogo i prirodnogo naslediya goroda Ryazani [Memorial Park of Heroes of 1812 – an Object of Landscape, Historical and Natural Heritage of the City of Ryazan] // *Sotsial'no-ekologicheskie tekhnologii*. 2020. T. 10, № 4. S. 429–446.
7. Pivrik G.N. Rol' starovostrastnykh derev'ev v vospriyatii istoricheskikh memorial'nykh parkov [The Role of Old Growth Trees in Perception of Historic Memorial Parks] // *Sad v gorode: mif i real'nost': sbornik materialov mezhdistsiplinarnogo seminar; pod red. A.G. Razumovskoy*. Pskov, 2012. S. 49–56.
8. Antipin N.A. Organizatory gosptaley na Yuzhnom Urale vo vremya Russko-yaponskoy voyny 1904–1905 gg. [Organizers of Hospitals in the South Urals during the Russo-Japanese War of 1904–1905] // *Kalendar' znamenatel'nykh i pamyatnykh dat*. Chelyabinskaya oblast', 2012; sost. E.A. Abkhalikova, L.A. Velichkina, I.N. Perezhogina. Chelyabinsk, 2011. S. 183–192.
9. Antipin N.A., Semenov V.G. Russko-yaponskaya voyna (1904–1905) [Russo-Japanese War (1904–1905)] // *Chelyabinskaya oblast': entsiklopediya*. Chelyabinsk, 2008. T. 5. S. 667–669.
10. Makichyan A.A. Organizatsiya meditsinskoy pomoshchi bol'nym i ranenym vo vremya russko-yaponskoy voyny 1904–1905 gg. [Organization of Medical Care for the Sick and Wounded during the Russian-Japanese War of 1904–1905]: dis. ... kand. ist. nauk. M., 2016. 294 s.
11. Oleshkova A.M. Evolyutsiya organizatsii i deyatel'nosti Rossiyskogo obshchestva Krasnogo Kresta vo vtoroy polovine XIX v. – 1917 g. (na materialakh Urala) [Evolution of the Organization and Activities of the Russian Red Cross Society in the Second Half of the 19th Century. – 1917 (Based on Materials from the Urals)]: dis. ... kand. ist. nauk. Ekaterinburg, 2012. 305 s.
12. Semyachkova V.V. Deyatel'nost' ural'skikh komitetov Rossiyskogo obshchestva Krasnogo Kresta v period russko-yaponskoy voyny 1904–1905 gg. [Activities of the Ural Committees of the Russian Red Cross Society during the Russo-Japanese War of 1904–1905] // *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*. 2009. № 3 (24). S. 45–48.
13. Sokolova V.A. Rossiyskoe obshchestvo Krasnogo Kresta (1867–1918 gg.) [Russian Red Cross Society (1867–1918)]: dis. ... kand. ist. nauk. SPb., 2014. 302 s.
14. Antipin N.A. Russko-yaponskaya voyna v kul'turnoy pamyati rossiyskogo obshchestva. 1904–2000-e gg. [The Russo-Japanese War in the Cultural Memory of Russian Society. 1904–2000s]: dis. ... kand. ist. nauk. Chelyabinsk, 2013. 248 s.
15. Buranok A.O. Informatsionnoe obespechenie russko-yaponskoy voyny v provintsii (na materialakh Samarskoy gubernii) [Information Support of the Russian-Japanese War in the Provinces (Based on Materials from the Samara Province)]. Samara, 2011. 335 s.
16. Ermachenko I.O. Obrazy Russko-yaponskoy voyny v illyustratsiyakh otechestvennoy pressy 1904–1905 gg.: spetsifika vizualizatsii [Images of the Russo-Japanese War in the Illustrations of the Russian Press in 1904–1905: Specificity of Visualization] // *Ochevidnaya istoriya. Problemy vizual'noy istorii Rossii XX stoletiya*. Chelyabinsk, 2008. S. 193–213.
17. Zhukova L.V. «Vragu ne sdaetsya nash gordyy “Varyag”...»: Geroicheskie obrazy Russko-yaponskoy voyny v istoricheskoy pamyati rossiyan [«Our Proud “Varyag” Does not Surrender to the Enemy ...»: Heroic Images of the Russian-Japanese War in the Historical Memory of Russians] // *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Ser. Istoriya Rossii*. 2009. № 1. S. 68–80.
18. Derev'ya – pamyatnik zhivoy prirody [Trees – a Monument of Wildlife]. URL: <https://rosdrevo.ru/information/about/> (data obrashcheniya: 15.08.2021).
19. Halbwachs M. Social'nye ramki pamyati [Social Frameworks of Memory]. M., 2007. 348 s.
20. Assman A. Novoe nedovol'stvo memorial'noj kul'turoj [New Discontent with Memorial Culture]. M., 2016. 232 s.
21. Assman J. Kul'turnaya pamyat'. Pis'mo, pamyat' i politicheskaya identichnost' v vysokih kul'turah drevnosti [Cultural Memory. Writing, Memory, and Political Identity in the High Cultures of Antiquity]. M., 2004. 363 s.
22. Megill A. Istoricheskaya epistemologiya [Historical Epist]. M., 2007. 480 s.
23. Nora P. Mezhdru pamyat'yu i istoriej: problematika mest pamyati [Between Memory and History. Problems of Memory Locations] // *Franciya – pamyat'*. SPb., 1999. S. 17–50.
24. Merker V.V. Dendroflora Chelyabinskoy oblasti [Dendroflora of the Chelyabinsk Region]: dis. ... kand. biol. nauk. Perm', 2009. 248 s.
25. Na Yuzhnom Urale prodolzhayut vosstanavlivat' daurskie listvennitsy [Dahurian Larches Continue to be Restored in the South Urals]. URL: <https://mineco174.eps74.ru/Publications/News/Show?id=1291> (data obrashcheniya: 7.08.2021).

26. Teksler A. Na meste vyrubki daurskikh listvennits vstretilsya s Veroy Merker [At the Site of Cutting down Daurian Larches, He Met with Vera Merker]. URL: <https://www.instagram.com/p/CP8OdMNneWt/> (data obrashcheniya: 7.08.2021).

27. Kaufman P. Krasnyy Krest v tylu armii v Yaponskuyu kampaniyu 1904–1905 godov [Red Cross in the Rear of the Army during the Japanese Campaign of 1904–1905]. SPb., 1909. T. 1. Ch. 1. 407 s.

28. OGACHO [USACR]. F. I-3. Op. 1. D. 785.

29. OGACHO [USACR]. F. I-13. Op. 1. D. 396.

30. OGACHO [USACR]. F. I-146. Op. 1. D. 2.

31. OGACHO [USACR]. F. I-157. Op. 1. D. 19.

32. OGACHO [USACR]. F. I-156. Op. 1. D. 15.

33. OGACHO [USACR]. F. I-158. Op. 1. D. 2.

34. OGACHO [USACR]. F. I-158. Op. 1. D. 3.

35. OGACHO [USACR]. F. I-158. Op. 1. D. 8.

36. OGACHO [USACR]. F. I-146. Op. 1. D. 1.

37. OGACHO [USACR]. F. I-156. Op. 1. D. 2.

38. OGACHO [USACR]. F. I-157. Op. 1. D. 16.

39. OGACHO [USACR]. F. I-157. Op. 1. D. 26.

40. OGACHO [USACR]. F. I-156. Op. 1. D. 5.

41. OGACHO [USACR]. F. I-13. Op. 1. D. 402.

42. OGACHO [USACR]. F. I-13. Op. 1. D. 415.

43. OGACHO [USACR]. F. I-148. Op. 1. D. 1.

44. OGACHO [USACR]. F. I-148. Op. 1. D. 2.

45. Chicherina N. Chelyabinsk vremennyy russko-yaponskoy voyny (po pis'mam A.N. Naryshkinoy) [Chelyabinsk during the Russian-Japanese War (According to the Letters of A.N. Naryshkina)] // *Ural'skaya starina*. Ekaterinburg, 2004. Vyp. 6. S. 62–70.

46. Yubileynoe istoricheskoe i khudozhestvennoe izdanie v pamyat' 300-letiya tsarstvovaniya derzhavnogo Doma Romanovykh [Jubilee Historical and Artistic Publication in Memory of the 300th Anniversary of the Reign of the Sovereign House of Romanov]. M., 1913. 542 s.

47. Otkoloski russko-yaponskoy voyny: Zapisi bol'nykh i ranenyykh, lechivshikhsya v Chelyabinskoy lazarete Krasnogo kresta i v uchrezhdeniyakh, organizovannykh tam zhe stats-damoy A.N. Naryshkinoy [Echoes of the Russo-Japanese War: Records of the Sick and Wounded Who were Treated in the Chelyabinsk Red Cross Infirmaries and in Institutions, Organized there by State Lady A.N. Naryshkina] / pod red. N. A. Bobrovnikova. Kazan', 1914. 337 s.

48. OGACHO [USACR]. F. I-156. Op. 1. D. 1.

49. OGACHO [USACR]. F. I-156. Op. 1. D. 7.

50. OGACHO [USACR]. F. I-146. Op. 1. D. 7.

51. OGACHO [USACR]. F. I-158. Op. 1. D. 4.

52. OGACHO [USACR]. F. I-158. Op. 1. D. 5.

53. OGACHO [USACR]. F. I-158. Op. 1. D. 6.

54. OGACHO [USACR]. F. I-13. Op. 1. D. 425.

Nikolay A. Antipin – Cand. Sc. (History), Associate Professor of the Department of Russian and Foreign History, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: antipin87@mail.ru

Vera V. Merker – Cand. Sc. (Biology), Director of the Botanical Garden, Chelyabinsk State University (Chelyabinsk), e-mail: vmerker@rambler.ru

Received November 11, 2021

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Антипин, Н. А. Лиственницы даурские (*Larix Gmelinii* (Rupr.) Rupr.) в истории города Челябинска / Н. А. Антипин, В. В. Меркер // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2022. – Т. 22, № 1. – С. 16–24. DOI: 10.14529/ssh220102

FOR CITATION

Antipin N. A., Merker V. V. Dahurian Larches (*Larix Gmelinii* (Rupr.) Rupr.) in the History of Chelyabinsk. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2022, vol. 22, no. 1, pp. 16–24. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh220102